

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПБГУ)

Моисеева Анна Владимировна

Категория лица в гильянском языке (на материале пословиц)

Направление 032100 «Востоковедение, африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: Иранская филология)

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Пелевин М. С.

Рецензент: д.ф.н., проф. Чунакова О. М.

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
1. Определение предмета исследования.....	8
2. Категория лица в иранских языках.....	13
3. Личные местоимения в гилянском языке.....	17
4. Личные формы глагола в гилянском языке.....	23
Заключение.....	30
Приложение.....	32
Библиография.....	41

Введение

Гилянский язык или гиляки является языком неофициального общения на территории провинции Гилян на южном побережье Каспийского моря в Иране. Согласно общепринятой в современном отечественном языкознании точке зрения, гилянский язык относится к северо-западным иранским языкам, а по территориальному признаку его, наряду с его ближайшим соседом, мазендаранским языком, причисляют к прикаспийским языкам. А. Ходзько, однако, классифицировал гиляки вместе с мазендаранским и талышским языками как прикаспийские диалекты персидского языка [Chodzko 1848: 453–454]. Его мнение разделяет иранский исследователь М. Сотуде [Sotude 1957: 7].

Гилянский язык не имеет литературной нормы и официальной письменности (хотя для записи может использоваться арабский алфавит, как это продемонстрировал М. Пайанде-Лангаруди в своем сборнике пословиц). Будучи бесписьменным языком, гиляки представлен рядом диалектов. Так, М. Сотуде выделяет две разновидности гиляки: рештский и лахиджанский диалекты, граница между которыми проходит по реке Сефидруд. Аналогичные диалекты (западный и восточный относительно реки Сефидруд) выделяет Д. Стило [Stilo 2001]. В сборнике пословиц М. Пайанде-Лангаруди гилянский язык представлен примерами на трех диалектах: западном (рештском), восточном (лахиджанском) и так называемом дейлеми или галеша (*gālāši/gālaši*) [PL: 7] – диалектом пастухов горных районов Гиляна [Bromberger 2010]. Объектом исследования большинства ученых, в частности В. С. Расторгуевой, В. И. Завьяловой, Д. И. Эдельман (см. ниже), как правило, был рештский, т.е. западный, диалект гилянского языка как наиболее распространенный. Этим объясняется тот факт, что лингвистический материал в пословицах, названных П.-Лангаруди западными, в большей степени соответствует грамматическому описанию

гилянского языка, представленному в работах вышеуказанных исследователей.

Изучение гилянского языка началось в XIX в., когда Гилян посетили такие ученые как этнограф академик С. Г. Гмелин (1744–1774) [Гмелин 1775], иранист Александр Ходзько (1804–1891) [Chodzko 1842], профессор Казанского университета И. Н. Березин (1818–1896) [Beresine 1853], академик Б. А. Дорн (1805–1881) [Grundriss 1898-1901], востоковед Г. В. Мельгунов [Мельгунов 1863, Melgounof 1868]. Из числа европейских ученых, занимавшихся исследованием гилянского языка, нельзя не упомянуть В. Л. Гейгера (1856–1943) [Grundriss 1898-1901: 344-380], датского востоковеда Артура Кристенсена (1875–1945) [Christensen 1930], венгерской иранистки Е. Апор [Apor 1973: 351–372] и Д. Стило, опубликовавшего большую справочную статью о гилянском языке в энциклопедии «Ираника» [Stilo2001].

Огромный вклад в изучение гилянского языка внесли советские ученые. В 1957 г. вышла статья В. С. Соколовой и Т. Н. Пахалиной «Гилянский язык», изданная в справочнике «Современный Иран» [Современный Иран 1957]. Точный фонемный состав гилянского языка был впервые установлен В. И. Завьяловой [Завьялова 1955, Завьялова 1956]. В 1971 г. группой ученых Института языкознания АН СССР, в которую входили В. С. Расторгуева, А. А. Керимова, А. К. Мамедзаде, Л. А. Пирейко и Д. И. Эдельман, была издана книга «Гилянский язык», в которой был подробно описан синтаксис и морфология гилянского языка [Расторгуева 1971]. Сведения о гилянском языке были уточнены и дополнены в статьях В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман, опубликованных в сборниках «Основы иранского языкознания» [ОИЯ 1982: 447–567] и «Языки мира. Северо-западные иранские языки» [Языки мира 1999: 112–125]. Первый академический гилянско-русский словарь был издан в 1980 г. под редакцией В. С. Расторгуевой [ГРС 1980].

Нельзя также оставить без внимания вклад иранских ученых в исследование гилянского языка. Первый гилянско-персидский словарь был опубликован в 1954 г. в Иране Манучехром Сотуде [Sotude1954]. В 1985 г. была издана диссертация на соискание докторской степени Монире Рахмани «Ethnography of language change: an ethnolinguistic survey of the gilaki language», защищенная в университете Оклахомы [Rahmani 1985]. Также в Иране было опубликовано трехтомное сочинение под редакцией Ибрахима Эслаха Арабани «Ketāb-e gilān», в котором соответствующий раздел, написанный М. А. Табатабаи, посвящен описанию гилянского языка и сравнению его с персидским [Gilan 1989-95: 505–514]. Кроме этого, в библиографии Д. Стило упоминается ряд других иранских исследователей, занимавшихся изучением как собственно гилянского языка, так и произведений гилянских поэтов, в том числе ХушангАббаси, Махмуд-Али Афраште, Абд-ал-Карим Голшани, Ахмад Мараши, Али-Акбар Морадийан Гарруси, Джахангир Сатиппур, Йадолла Самари.

Данная работа основана на языковом материале пословиц, поговорок и фразеологических выражений, собранных Махмудом Пайанде-Лангаруди в Гиляне и изданных в книге «Словарь поговорок и фразеологизмов Гиляна и Дейлема». В книге содержится примерно 1300 пословиц и идиом на гилянском языке, каждая из которых сопровождается переводом на персидский язык и транскрипцией, облегчающей понимание фонетической системы гилянского языка, а также толкованием смысла выражения, примером его использования в речи или персидским эквивалентом; иногда в качестве пояснения автор использует цитаты таких известных персидских поэтов, как Са'ди, Руми и других. Кроме того, каждая единица «Словаря» снабжена пометкой, указывающей, на каком диалекте гилянского языка написано данное выражение: восточном, западном или галешу/дейлеми.

Поскольку использованная М. П.-Лангаруди латинская транскрипция для передачи гилянских текстов не отличается строгой системностью и несколько отличается от транскрипции, которая употребляется в трудах В. И.

Завьяловой и В. С. Расторгуевой, то требуется сделать некоторые пояснения относительно фонетической системы гилянского языка и транскрипции, примененной в данной работе для ее отображения.

В целом фонетический состав гилянского языка схож с фонетическим составом персидского. На основе экспериментальных исследований, проведенных В. И. Завьяловой с аудиозаписями гилянских текстов [ОИЯ 1982: 454], в гилянском языке были выделены 9 гласных фонем (*e, o, ī, ū, â, i, ə, u, a*) и 22 согласные (*p, b, t, d, k, g, n, m, v, f, y, x, γ, h, z, s, č, š, j, ž, l, r*). М. П.-Лангаруди, как видно из таблицы знаков транскрипции, приведенной им в сборнике, выделял 13 гласных фонем (*â, a, ā, ə, e, ē, o, ō, ô, u, û, i*; фонема *ū*, не включенная в таблицу, тем не менее, встречается в книге) и 22 согласные (*b, p, t, j, č, h, x, d, z, r, ž, s, š, f, q, k, g, l, m, n, v, y*) [PL: 6]. Здесь, однако, следует учесть, что фонетическая система, описанная В. И. Завьяловой, относится только к западному диалекту гиляки, тогда как в книге Лангаруди приведены примеры также и на восточном диалекте, и на дейлеми, поэтому расхождения в количестве фонем и транскрипционных знаках, вероятно, до некоторой степени отражают различия в фонологических системах этих диалектов.

В данной работе используется транскрипция П.-Лангаруди, с небольшими изменениями. Так, вместо знака *â*, употребляемого П.-Лангаруди для передачи устойчивой гласной заднего ряда, используется знак *â*, что соответствует транскрипции, предложенной В. С. Расторгуевой и В. И. Завьяловой. Остальные несовпадения между системами транскрипций в [PL], [ОИЯ] и [ГРС] являются, вероятнее всего, следствием того, что у П.-Лангаруди отражена фонетическая система разговорного гилянского языка со всеми ее инвариантными расхождениями, тогда как в [ОИЯ] и [ГРС] описан язык городской среды, характеризующийся более унифицированным произношением.

Стоит также отметить еще несколько особенностей транскрипции П.-Лангаруди. Так, начальные гласные маркируются апострофом. Неударные энклитические показатели, послелогои и предикативная глагольная связка у

П.-Лангаруди в большинстве случаев (но не вполне последовательно) отделяются от предшествующего слова дефисом, а морфемы слова разделены точками. Эти аспекты в данной работе отражены несколько иначе: все морфемы слова, в том числе падежные окончания личных местоимений, написаны слитно, тогда как энклитические показатели, в том числе энклитические местоимения, отделяются дефисом.

Цель данной работы состоит в описании категории лица в гилянском языке на примере пословиц и других фразеологических выражений, а также в установлении различий между способами выражения этой категории в трех диалектах гилянского языка – западном, восточном, дейлеми/галеши – в сравнении с данными, представленными в работах В. С. Расторгуевой.

Практические задачи работы включают в себя, прежде всего, определение предмета исследования – общее описание характеристик, функций и компонентов категории лица в языке в целом и в гилянском языке в частности. Другая задача заключается в кратком описании эволюции категории лица в иранских языках до ее нынешнего состояния в гилянском языке, чтобы показать связь элементов системы персональности в современном гилянском языке с общеиранскими корнями. Основную часть работы составляет описание компонентов категории лица и различий между ними в трех диалектах гилянского языка с примерами пословиц из сборника П.-Лангаруди, иллюстрирующими функционирование данных элементов в разговорной речи. Приложение включает список всех использованных в работе пословиц с переводом и необходимыми пояснениями, которые основаны как на комментариях самого П.-Лангаруди, так и на толкованиях, содержащихся в русско-персидском словаре под редакцией Ю. А. Рубинчика [Рубинчик 1985], а также в сборнике персидских поговорок и пословиц Х. Короглы [Короглы 1973].

1. Определение предмета исследования.

Одним из ключевых аспектов описания глагольной системы языка является грамматическая категория лица. Наиболее точное определение категории лица было предложено Р. О. Jakobsonом в его работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол»: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо — о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т. е. с адресатом» [Jakobson 1972: 100]. Как указал Н. Б. Вахтин, такая формулировка позволяет трактовать понятие персональности достаточно свободно, т.к. Р. О. Jakobson не указывает, какие именно отношения между участниками сообщения и говорящими характеризует категория лица (хотя необходимо оговориться, что из дальнейших примеров, приводимых Р. О. Jakobsonом, ясно, что он имеет в виду исключительно отношения тождества). Таким образом, Н. Б. Вахтин указывает на то, что категория лица при широкой трактовке может включать в себя отношения принадлежности (притяжательные местоимения в русском языке, а в гилианском – личные местоимения в родительном падеже и энклитики), а также пространственно-временные отношения (система указательных местоимений в гилианском языке, некоторые из которых также используются в качестве личных местоимений 3-го лица) [ТФГ 1991: 110].

Определение, данное Р. О. Jakobsonом, также позволяет выделить 3-е лицо в особую категорию, стоящую в оппозиции к 1-му и 2-му лицу с точки зрения непосредственной связи с актом говорения. Иными словами, 3-е лицо используется для обозначения субъекта, не связанного ни с одним из участников факта сообщения, или указывает на вовсе неодушевленный предмет, то есть не относится к шифтерным категориям и, по словам Э. Бенвениста, является «не-лицом» [Бенвенист 1974: 262] и противопоставляется 1-му и 2-му лицу как член так называемой корреляции

личности [Там же: 265]. Такое особое положение 3-го лица подтверждается на примере отсутствия в гилианском языке (как и во многих других языках, например, в адыгейском) отдельных местоимений 3-го лица– для этой цели используются указательные местоимения. Также в категории лица Э. Бенвенист выделяет корреляцию субъективности, которая формально является частью первой корреляции и представляет собой оппозицию «я – ты», то есть «субъективное лицо – несубъективное лицо» [Там же: 266].

Здесь важно отметить, что само по себе понятие лица в языке имеет различные проявления. В первую очередь, лицо – это грамматическая категория, неизменно присущая глаголам, а также личным и указательным местоимениям. Не существует языка, в котором бы категория лица глагола не была бы выражена в той или иной форме [Бенвенист 1974: 261]. Однако, в отличие от глаголов, где лицо представлено рядом грамматических форм, т.е. является словоизменительной категорией, в местоимениях лицо выражается набором лексем, т.е. является лексико-грамматической категорией. Следовательно, определять лицо исключительно как грамматическую категорию означало бы ограничивать это понятие рамками грамматических явлений. Лицо в широком смысле является семантической категорией, объединяющей грамматические явления разного порядка: синтаксические, морфологические и лексические.

Вопрос категории лица в контексте общей лингвистики детально рассматривается в коллективном труде «Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость» под редакцией А. В. Бондарко [ТФГ 1991: 5–124]. В данной работе говорится о «функционально-семантическом поле персональности», т.е. о совокупности разноуровневых элементов языка, объединенных по общему семантическому признаку – в данном случае это описание характера отношений между речевой ситуацией и сообщаемым фактом. Грамматический центр функционально-семантической категории персональности составляют грамматические формы лица глагола и личные

местоимения в именительном падеже, выступающие в роли подлежащего. Личные местоимения в косвенных падежах и прочие средства выражения семантики лица А. В. Бондарко относит к периферии категории персональности. Также А. В. Бондарко отмечает, что грамматическое ядро функционально-семантической категории персональности сам по себе является полевой структурой, и как таковая имеет центр (глаголы и местоимения 1-го и 2-го лица) и периферию (3-е лицо в его предметной функции, т.е. указывающее на одушевленные предметы, и категория безличного). 3-е лицо, указывающее на одушевленные объекты, занимает промежуточное положение между центром и периферией.

А. В. Бондарко различает четыре функции грамматической категории лица глаголов и местоимений: 1) собственно семантическую (обозначение соотношения между участниками речевого акта и лицами, упоминаемыми в сообщении), 2) семантико-прагматическую (выражение отношения говорящего к сообщению и речевому акту), 3) структурную (соотношение подлежащего и сказуемого), 4) анафорическую функцию, свойственную личным местоимениям 3-го лица и указательным местоимениям (отсылка к ранее упомянутому в тексте лицу или предмету) [ТФГ 1991: 7].

Таким образом, на основании вышеприведенных определений, можно установить следующий состав функционально-семантической категории персональности в гиланском языке: а) система глагольных флексий, б) личные местоимения (собственно личные местоимения 1-ого и 2-ого лица и случаи использования указательных местоимений в качестве личных для 3-го лица), в) частные случаи употребления энклитических местоимений – чаще всего в связке с возвратно-определительным местоимением *xud*.

Здесь также нельзя не упомянуть об особенностях лингвистического материала, представленного в поговорках и пословицах. Специфика функционирования категории персональности в данном жанре заключается, прежде всего, в частоте использования определенных видовременных форм

глагола. Так, наиболее полно представлена парадигма глагола в настоящем будущем и простом прошедшем времени, а также в настоящем времени сослагательного наклонения, причем подавляющее большинство глаголов являются формами 3-го лица единственного числа. Также относительно часто используются формы ед.ч. 1-го и 2-го лица. Крайне редко встречаются составные видовременные формы вроде настоящего определенного и предпрошедшего времени (которые представлены лишь в нескольких случаях), будущего и прошедшего определенного (которые не встречаются вовсе).

Что касается личных местоимений, то они в целом также употребляются нечасто – как в силу особенностей самого гилианского языка (лицо объекта выражается в форме глагола, и употребление личного местоимения зачастую оказывается избыточным), так и из-за специфики фольклорного жанра. Чаще всего местоимения встречаются в форме родительного падежа, причем этой форме отдается предпочтение перед местоименными энклитиками при выражении притяжательности. Можно предположить, однако, что эта последняя особенность характерна не столько для пословиц и поговорок, сколько для гилианского языка в целом.

Кроме того, нужно отметить, что персональность как семантическая категория, определяя отношения между участниками речевого акта и собственно языковыми элементами высказывания, таким образом, включает в себя важный прагматический аспект [ТФГ 1991: 37-40]. Особенно ярко прагматические черты видны в фольклорных текстах, таких как пословицы и поговорки. Так, во многих случаях в поговорках вместо 1-го лица ед. ч. используется так называемое просторечное множественное число, которое в данном случае, вероятно, не только призвано показать скромность говорящего, который сознательно скрывает себя за безликим множественным числом, но и отражает универсальность идеи, заключенной в высказывании (*ami tiyãnã mõnim, arusi-rã palã puçim, azã-rã åw garmã kunim* ‘мы как котел:

на свадьбу плов готовим, на похороны воду греем' [22]). Множественное число 1-го лица может использоваться также при обращении, например к ребенку, придавая, таким образом, высказыванию оттенок снисходительности (*tu-ham ame-bə ādama bōy?* 'ты у нас разве [уже] вырос?' [75]).

Еще один прагматический аспект семантической категории персональности это так называемая категория вежливости. В русском языке, а также в персидском и гилянском, она представлена дифференциацией между употреблением ед. и мн. числа 2-го лица при обращении к людям разного социального статуса. Однако поскольку фольклорный жанр предполагает некоторую неформальность обстановки, а также покровительственное отношение со стороны того, кто произносит пословицу в качестве поучения, в большинстве случаев в обращении к собеседнику, заключенном в пословице, используется единственное число.

2. Категория лица в иранских языках

В древнеиранских языках категория лица была отражена в системе флективных окончаний наряду с другими категориями глагола, такими как залог, число, наклонение и время, однако в семантике спряжения основную роль играла именно категория лица, что дает основание называть глагольные окончания личными.

Произошедший в дальнейшем распад древнеиранской флективной системы был обусловлен несколькими факторами. Личные глагольные окончания древнеиранских языков существовали в двух формах: первичные и вторичные окончания, причем каждая система окончаний могла использоваться для образования нескольких временных форм (кроме императива в древнеперсидском и индикатива перфекта в авестийском), то есть указание на временную форму этими флексиям было неоднозначным, что, однако, несколько компенсировалось разделением сфер использования окончаний активного и медиального залога. С другой стороны, узость области применения вышеупомянутых форм древнеперсидского императива и авестийского перфектного индикатива стало причиной их исторической неустойчивости, в результате чего древние окончания императива не сохранились [ОИТИИЯ 1975: 251].

Дальнейшая тематизация основ, изменение области функционирования форм времени и наклонения и, как результат, изменение функций некоторых флексий привело к сокращению числа личных окончаний в древнеперсидских языках. В результате переноса ударения на предпоследний слог последний слог стал слабым и, в конечном счете, отпал совсем. Таким образом, происходил постепенный распад флективной системы в древнеиранских языках и замена ее на аналитическую.

Однако надо отметить, что и в самих древнеиранских языках, наряду с флективными способами выражения категории лица, существовали аналогичные аналитические средства. Такими средствами были

описательные конструкции с использованием причастия прошедшего времени, оканчивающегося на *-ta*. В подобных конструкциях с причастием, образованным от непереходного глагола, лицо вместе с числом отражалось в форме субъекта или в форме вспомогательного глагола. Обороты с причастием, образованным от переходного глагола, по сути, представляли собой пассивную конструкцию, поэтому лицо выражалось в форме прямого объекта и форме вспомогательного глагола (при его наличии). Лицо же субъекта указывалось в форме соответствующей местоименной энклитики. Со временем энклитические местоимения, употреблявшиеся как показатель лица при предикате, выраженном причастием, окончательно утратили самостоятельность, превратившись в аналитические показатели лица и числа при глаголе [ОИТИИЯ 1975:258–261].

Эта функция, однако, не исчерпывала значение местоименных энклитик в древнеиранских языках. Энклитики, наряду с полными местоимениями, использовались также для указания на лицо объекта в конструкциях с причастиями, образованными от непереходных глаголов.

Таким образом, к среднеиранскому периоду система личных глагольных окончаний претерпела значительные изменения, лишившись оппозиций первичных окончаний вторичным и активным медиальным. Произошла унификация личных окончаний, исчезла функция указания на залог и время.

К важным трансформациям среднеиранского периода относится превращение древнеиранского причастия прошедшего времени на *-tav* претериальную основу, что в дальнейшем привело к образованию системы двухосновного спряжения, характерной для всех новоиранских языков, в том числе и гилянско-го, замене аналитической формы прошедшего времени флективной. Однако, как и в древнеиранских языках, по-прежнему сохраняется аналитический способ выражения лица субъекта с помощью подвижных энклитических местоименных показателей (при этом лицо и

число прямого объекта выражалось формой глагольной связки [ОИТИИЯ 1975: 279–280]).

В новоиранских языках продолжилось развитие тенденций, наметившихся в среднеиранский период. Закрепилась двухосновная система спряжения. Из функционального поля личных окончаний глагола окончательно исчезли время, которое во многих языках теперь реализовывалось только в основе: презентной или претериальной, и залог. Произошло (а в некоторых языках все еще происходит) замещение аналитических структур флективными. Так, полностью оформилась современная форма претерита, эволюционировавшая из древнего причастия и глагольной связки, которая в современном своем состоянии превратилась в личное окончание. Аналогичный процесс имеет место в отношении современных форм перфекта: в некоторых новоиранских языках глагольную связку при причастии уже можно рассматривать как флективный показатель благодаря сближению, а в некоторых случаях и полному совпадению форм личных глагольных окончаний и глагольной связки (например, в персидском языке¹ эти формы совпадают за исключением формы 3-го лица ед.ч.: личное окончание в претерите – нулевое, в презенсе – *-ad*, глагол-связка – *-ast*) [Там же: 282-284].

В целом, переход к использованию флективных показателей характерен для всех иранских языков, однако некоторые языки, в их числе гилянский, продвинулись дальше по пути подобных преобразований. Одним из признаков возрастающей флективности в выражении различных категорий глагола является омонимия личных окончаний. Чаще всего унификация системы выражения глагольного лица и числа приводит к омонимии окончаний 2-го и 3-го лица мн.ч. [Там же: 294-296].

В некоторых новоиранских языках за энклитическими местоимениями сохранилась, пусть и факультативно, функция выражения лица субъекта и

¹По грамматике персидского языка см. [Рубинчик 2001]

прямого объекта. В обоих случаях энклитика присоединяется к глаголу. Такие конструкции носят в основном разговорный характер. Кроме того, стоит отдельно отметить оборот с возвратным местоимением *xod* (перс.)/*xud* (гил.) и местоименной энклитикой, широко используемый в разговорном персидском и в гилианском языках, который может выступать как в качестве субъекта, так и объекта.

В целом показатели лица в гилианском языке имеют однозначно общеиранские корни. Так, окончания I и II типа (используются для построения форм аориста и настоящего-будущего времени изъявительного наклонения) возводятся к окончаниям древнеиранских презентных основ на *-a и *-aya: 1 л. ед.ч. -am/-am < ир. *-a-mi, 2 л. ед.ч. -i < ир. *-a-hi, 3 л. ед.ч. настоящего-будущего времени -e/-ə/-ē < ир. *-aya-ti, -e/-ə/-ē в аористе < ир. *-a-ti, 1 л. мн.ч. -im < ир. *-aya-māhi, 2 л. мн.ч. -id < ир. *-aya-tā. Происхождение окончания мн.ч. 3 л. -id(i), как указано в очерке В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман, неясно [ОИЯ 1982: 529-530], однако, по приведенным в сборнике пословиц примерам видно, что в современном гилианском языке в качестве показателя мн.ч. 3 л. почти во всех видовременных формах используется окончание -an/-ān (*bārkunān* ‘нагружают’[79]²), а в повелительном наклонении -in (*niyā bakunin* ‘посмотрите’[23]), в чем можно усмотреть влияние разговорного персидского языка.

Что касается личных местоимений, то их происхождение также достаточно очевидно связывается с древнеиранскими корнями. Местоимения первого лица ед. числа в именительном падеже *tən* восходят к древней форме 1 л. ед. ч. родительного падежа *mana. Форма именительного падежа местоимения 2 л. ед.ч. восходит либо к древнему именительному *tuvam, либо родительному падежу *tuva. Местоимения 3-го лица, которые, по сути, являются указательными, восходят к указательным же местоимениям, образованным от основы *ava-.

²Здесь и далее в квадратных скобках дается ссылка на соответствующую поговорку в приложении данной работы.

3. Личные местоимения в гилянском языке.

В гилянском языке личные местоимения представлены формами 1-го и 2-го лица. Личные местоимения 3-го лица, как уже упоминалось выше, по сути, являются указательными местоимениями, употребляемыми в функции личных.

Как и существительные, местоимения в гилянском языке изменяются по падежам. Парадигма склонения личных местоимений представлена тремя падежами: именительным, винительно-дательным и родительным. В таблице ниже приведены формы личных местоимений, установленные для гилянского языка В. С. Расторгуевой [Расторгуева 1971: 90]:

Табл. 1

Падеж	Лицо	Единственное число	Множественное число
Именительный	1	<i>mən</i>	<i>ama</i>
	2	<i>tu</i>	<i>šuma</i>
Винительно-дательный	1	<i>məra/mara</i>	<i>amara/aməra</i>
	2	<i>təra/tara</i>	<i>šumara</i>
Родительный	1	<i>mi</i>	<i>ame/ami</i>
	2	<i>ti</i>	<i>šime/šimi</i>

Форма винительно-дательного падежа, очевидно, образовалась путем слияния соответствующих форм именительного падежа с послелогом *-ra* (в западном диалекте гиляки *-re*), который используется для указания на объект действия, адресата сообщения, цель или причину. Однако сам по себе показатель *-ra* в виде послелога со значением ‘для’ также сохранился в гилянском языке, что видно в сочетаниях местоимений в родительном падеже с этим послелогом (*tu-n-am ti-re pirabi* ‘ты сам [когда-нибудь] состаришься’ [76]).

Указательные местоимения в гилянском языке имеют краткую (*a, ha, u, hu*) и полную (*an, un, han, hun*) формы. Местоимения в краткой форме не изменяются по падежам и числам, но, как и местоимения в полной форме, бывают эмфатическими (*ha, hu*) и простыми (*a, u*). И полные, и краткие указательные местоимения различаются по степени удаленности предмета,

на который они указывают. К указательным местоимениям ближней ступени относятся краткие местоимения *a*, *ha* и полные *an*, *han*, к местоимениям дальней ступени – краткие *u*, *un* и полные *hu*, *hun*. В качестве личных местоимений 3-го лица обычно используются краткие и полные указательные местоимения ближней и дальней ступени в простой форме. Таким образом, парадигму склонения личных местоимений 3-го лица, согласно В. С. Расторгуевой, можно представить в следующем виде [Расторгуева 1971: 97]:

Табл. 2

Падеж / число	Единственное	Множественное
Именительный	<i>a/an/u/un</i>	<i>ašan/ušan</i>
Винительно-дательный	<i>ana/una</i>	<i>asana/ušana</i>
Родительный	<i>anə(i)/unə(i)</i>	<i>ašanə(i)/ušanə(i)</i>

Как видно из примеров, приведенных в PL, разница между диалектами гилиянского языка сводится в основном к фонетическим различиям. Это утверждение справедливо и для местоимений. В фонетических различиях между соответствующими формами местоимений в разных диалектах наблюдается закономерность, однако имеется большое количество исключений, что, по всей видимости, объясняется как отсутствием письменной нормы языка вообще, так и разговорным характером материала, представленного в сборнике, в частности.

Принимая во внимание подобную неоднородность плана выражения, имеет смысл определять падеж в том или ином конкретном случае не по форме местоимения, а по его функции в предложении. Личные местоимения в именительном падеже имеют функцию подлежащего (зап. *mən čī gəm, tu čī ištavi!* ‘что я говорю, а что ты слышишь!’ [56], гал. *un nakāštə šarə čine* ‘Он жнет, не посеяв’ [80], вост. *amu āftow baništāym* ‘мы [с тобой под одним] солнцем сидим’ [19]). Местоимения в винительно-дательном падеже выполняют функции прямых и косвенных дополнений (зап. *təra pəšə ləqəd*

bəzə ‘тебя комар [может] побить’ [69], вост. *aməra qabla-səng bukud* ‘[он] нас [как] камень из пращи выкинул’ [17], гал. *tarə ki bagut hasan gāw sira ge?* ‘кто тебе сказал, что Хасан корову зарезал?’ [67]), а также встречаются случаи употребления личного местоимения в форме винительно-дательного падежа в функции субъекта (*tarə zur darə, ammā valāyat-an hākem darə* ‘у тебя есть сила, но в провинции есть [свой] мудрец’ [68]). Формы родительного падежа употребляются для передачи отношений принадлежности (зап. *pile dəryā ti-re tā zānu-ə* ‘глубокое море для тебя – по колено’ [62], гал. *ame āftab magə kaləsiyā dar-āy?* ‘Разве наше солнце на севере восходит?’ [13], вост. *mi kal piča kute kār-ə* ‘это работа для моего котенка’ [58]). В форме родительного падежа также ставятся местоимения с послелогам (зап. *bušəim arus bubostim šab ami-re kutā bubo* ‘[когда] добрался до невесты, ночь для меня [уже] закончилась’ [42]).

Как видно из примеров, функции падежных форм личных местоимений совпадают во всех трех диалектах гилянского языка, ограничивая, таким образом, разницу между этими диалектами только фонетическими признаками.

Форма 1л. ед.ч. *ti* едина для восточного диалекта и дейлеми [60]. Во мн.ч. 1 л. заметна более четкая дифференциация фонетических форм: *amo* – для восточного диалекта [5], *ami* – для восточного [19] и дейлеми [20] и *ama* – для западного [12]. Формы ед.ч. 2-го и 3-го лица, встречающиеся в сборнике пословиц, совпадают с формами, установленными В. С. Расторгуевой: *tu* – для восточного [75] и западного [76] диалектов и галеси [2], *un* – для восточного [81] и западного [80] диалектов и галеси [83].

Формы личных местоимений 1-го и 2-го лица в винительно-дательном падеже можно разделить на две группы: те, что по способу образования соответствуют формам, установленным В. С. Расторгуевой, т.е. представляют собой слияние соответствующего местоимения в именительном падеже с

послелогом *-ra/-rə*, и сокращенные формы, состоящие из одного слога. В первую группу входят формы 1-го лица ед.ч. *məra* (зап.) [36] и *marə* (галеси) [35], 1-го лица мн.ч. *aməra* [15] в западном диалекте и *amərə* в галеси [18] и восточном [74] и 2-го лица ед.ч. *təra* в западном [69] и *tarə* в западном [68] и галеси [67]. Ко второй группе относятся формы ед.ч. 1-го и 2-го лица в восточном диалекте: соответственно *ma* [36] и *ta* [66], причем в PL отмечена форма *ta* и для диалекта галеси [65].

Форма 3-го лица ед.ч. *ana/una*, вероятно, образована с помощью показателя винительно-дательного падежа *-a*, присоединяемого обычно к существительным [82], который, в свою очередь, как и собственно послелог *-ra*, восходит к древнеиранскому послелогу *-rādiy* [ОИТИИЯ 1975: 193].

Формы местоимений в родительном падеже в различных диалектах схожи и в основном соответствуют формам, установленным В. С. Расторгуевой, за исключением фонетических различий в гласных. Так, общей для всех диалектов формой 1-го лица ед.ч. является *mi* (зап. [63]; гал. [57]; вост. [58]). Во всех диалектах в 1-ом лице мн.ч. регулярно встречается форма *ame* (гал. [13]; зап. [30]; вост. [14]). Форма *ami* зафиксирована только для западного диалекта [42]. Также общей для всех трех диалектов формой 2-го лица ед.ч. является форма *ti* (зап. [43]; гал. [4]; вост. [72]), а форма *te* в восточном диалекте используется преимущественно с послелогом *bə* ‘для’ [71].

Несколько иначе дело обстоит с местоимениями в 3л. ед.ч., т.к. здесь две формы – *inə* и *unə* – встречаются примерно с одинаковой частотностью и в восточном диалекте [50], [84], и в галеси [87], [51], а форма *unə* также, правда, несколько реже, встречается и в западном диалекте [41], однако у западного диалекта есть еще и своя собственная форма *anə* [26]. Наибольшее фонетическое разнообразие форм встречается среди местоимений в 3л. мн.ч.: это *išōnə* [39] и *išonə* [89] в восточном диалекте и *išōne* [53] в галеси.

Таким образом, все вышеприведенные различия можно изобразить в виде следующей таблицы:

Табл. 3

Лицо	Число	Диалект	Им.п.	Вин-дат.п.	Род.п.
1л.	ед.ч.	Г.	<i>mi</i>	<i>marə</i>	<i>mi</i>
		В.		<i>ma</i>	
		З.		<i>məra</i>	
	мн.ч.	Г.	<i>ami</i>	<i>aməra</i>	<i>ame</i>
		В.	<i>amo/ami</i>		
З.		<i>ama</i>	<i>ame/ami</i>		
2л.	ед.ч.	Г.	<i>tu</i>	<i>tarə</i>	<i>ti</i>
		В.		<i>ta</i>	<i>ti/te</i>
		З.		<i>təra</i>	<i>ti</i>
	мн.ч.	Г.	-	-	-
		В.			<i>šime</i>
		З.			-
3л.	ед.ч.	Г.	<i>un</i>	-	<i>inə/unə</i>
		В.			
		З.			
	мн.ч.	Г.	-	-	<i>išōne</i>
		В.			<i>ušōnə/išonə</i>
		З.			-

Как видно из этой таблицы, наибольшее количество совпадений фонетических форм отмечается в восточном диалекте и галеси. Некоторые закономерности чередования гласных в рамках одной формы в одном диалекте представляются вполне логичными, вроде чередования гласных *o/u* в *amo/ami* или *i/e* в *ti/te*, однако никакой зависимости выбора гласной от последующего или предыдущего слова не наблюдается, так что остается предположить, что данные формы являются инвариантными и использование той или иной гласной фонемы обуславливается только особенностями индивидуального произношения. Также нет различий в функционировании аналогичных падежных форм личных местоимений в разных диалектах.

Использование местоименных энклитик в гилианском языке ограничено. Они не употребляются с существительными в значении притяжательности

(для этого, как отмечалось выше, используются личные местоимения в родительном падеже) и с глаголами, как в персидском языке. Однако встречаются сочетания энклитик с возвратным местоимением *xud* [90] и с предлогами [47].

4. Личные формы глагола в гилянском языке

К грамматическим категориям глагола в гилянском языке кроме категории лица относятся также категория залога (активный и пассивный), числа, времени и наклонения (изъявительное, повелительное и сослагательное). Анализ функционирования категории персональности в системе глаголов гилянского языка неразрывно связан с рассмотрением категорий времени и вида, т.к. личные глагольные окончания отражают также видовременные различия.

Как и в большинстве иранских языков, в гилянском языке сохраняется противопоставление основ прошедшего времени, восходящих к древнеиранским причастиям на *-ta*, и основ настоящего времени. Однако, согласно Д. И. Эдельман, гилянский язык можно отнести к группе иранских языков, которые находятся в процессе утраты данной оппозиции. Такой вывод сделан на том основании, что в гилянском языке, некоторые видовременные формы, аналогичные персидским, вроде настоящего определенного и прошедшего определенного времени, реализованы не с помощью личных форм глагола, как в персидском языке, а с помощью инфинитива смыслового глагола, и особого недостаточного глагола, не имеющего формы инфинитива, с основой настоящего времени *dər-* со значением 'находиться, иметься' [ОИТИИЯ 1975: 400–401].

Еще одна черта, характерная для большинства иранских языков и присутствующая в гилянском, – это малое количество простых глаголов, а также ограниченное употребление префиксального и суффиксального словообразования. Подобная ограниченность глагольного словообразования компенсируется широким использованием составных конструкций, состоящих из имени (прилагательного или существительного) и глагола, который согласуется в лице с субъектом.

Лицо глагола выражается в личных окончаниях, присоединяемых непосредственно к основе смыслового или вспомогательного (в составных

видовременных формах) глагола. Личные глагольные окончания в гилянском языке несут также семантику числа и, согласно исследованиям В. С. Расторгуевой, до определенной степени, времени и наклонения, т.к. каждый из трех типов окончаний, обозначенных В. С. Расторгуевой, используется при построении определенных видовременных форм [Расторгуева 1971: 125–126]:

Табл. 4

Тип окончаний	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
I	<i>-əm</i>	<i>-i</i>	<i>-e</i>	<i>-im/imi</i>	<i>-id/-idi</i>	<i>-id/idi</i>
II			<i>-ə</i>			
III	<i>-im/-imi</i>		<i>-i</i>			

Окончания первого типа используются при образовании форм настоящего будущего времени, второго типа – при образовании форм прошедшего нейтрального времени и аориста и при спряжении вышеупомянутого недостаточного глагола *dər-*, третьего типа – при образовании форм прошедшего длительного времени.

Таким образом, учитывая синтетический характер системы глагольного формообразования в гилянском языке, семантическую категорию персональности в глаголах имеет смысл рассматривать в контексте всей видовременной глагольной парадигмы. Видовременные глагольные формы в гиляки по своему строению делятся на два типа: простые, которые образуются от основы с помощью личных окончаний и приставки *bə-* (фонетические варианты *bi-/bu-*), и сложные. К первым относятся такие видовременные формы, как настоящее-будущее, прошедшее нейтральное и прошедшее длительное время изъявительного наклонения, аорист (настоящее-будущее время сослагательного наклонения), а также форма повелительного наклонения. Сложные глагольные формы могут строиться по нескольким схемам: смысловой глагол в форме причастия прошедшего времени и вспомогательный глагол в личной форме (преждепрошедшее время

изъявительного наклонения и прошедшее время сослагательного наклонения), инфинитив смыслового глагола и вспомогательный глагол в личной форме (прошедшее определенное первого типа), инфинитив смыслового глагола и недостаточный глагол *dār-* в личной форме (настоящее определенное и прошедшее определенное второго типа) или вспомогательный глагол в личной форме и инфинитив (будущее категорическое).

Аорист образуется от основы настоящего времени путем прибавления приставки *bə-* (или ее фонетических вариантов *bə-* и *bu-*) и соответствующего личного окончания второго типа. При присоединении приставки к глаголу происходит регрессивная ассимиляция: если в глаголе имеются гласные *ə* или *a*, используется приставка *bə-*, если гласный *i*, то *bi-*, если гласные *u* или *o* – *bu-*. Как и в персидском языке, в гиляки аорист употребляется после модальных глаголов (зап. *kulə čāyu nətāne ke dāzə kāra bukunə* ‘тупой нож не может делать работу серпа’ [54], гал. *tu āqā, mi āqā, asbə-rə va ki jow bazanə* ‘ты господин и я господин, а кто лошади ячменя должен насыпать?’ [73], вост. *inə dil gušā dē šānə* ‘его сердце можно увидеть’ [49]) и в придаточных условных (зап. *agə har səg-i-re čub rāssa kuni čub-ə dunyā kəm aye* ‘если на каждую собаку будешь замахиваться палкой, палок в мире не хватит’ [6], гал. *agə inə dil baxāy, kalə buzə dušə* ‘если он захочет, он козла подоит’ [8], вост. *agə ǝ-rə takkə babun, mi u taraf nəmāz nuxondam* ‘[даже] если бы там была Мекка, я бы в том направлении не молился’ [9]). Использование приставки *bə-* с глаголом *kudən* ‘делать’ факультативно.

Повелительное наклонение образуется от основы настоящего времени с помощью приставки *bə*. В единственном числе глагол в повелительном наклонении имеет нулевое окончание, во множественном прибавляется окончание мн.ч 2 л. (зап. *šəyala ge budob, səga ge bigir* ‘шакалу говорит: «Беги!», а собаке говорит: «Хватай!»’ [64], вост. *andey šime pā-bun-ə niyā bakunin* ‘Взгляните себе под ноги’ [23], гал. *āquz dāri āquzbāzi bakun* ‘[если] у тебя есть орех, играй с орехом’ [28]).

Формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения образуются от основы настоящего времени путем прибавления к ней личных окончаний первого типа. По своей семантике настоящее-будущее время в гилянском языке совпадает с аналогичными формами в персидском, т.е. выражает действие, совершающееся регулярно или непосредственно в данный момент, а также действие в будущем (зап. *turšə xâlu dârə-jor nəmâne* ‘[даже] кислая алыча не останется на дереве [навсегда]’, вост. *hamčîn kalâj malije-zâkə dârə sarə-ji vigirə* ‘словно ворона воробушка с дерева хватает’ [45], гал. *daryâ bašum âw vâxušə* ‘[если] я пойду к морю, вода [в нем] высохнет’ [44]).

Формы прошедшего нейтрального времени, которые образуются с помощью основы прошедшего времени, формообразующей приставки *bə-/bi-/bu-* и личных окончаний второго типа, также аналогичен соответствующей видовременной форме в персидском языке (зап. *ani dilə anâr-šâvâr baze* ‘в его сердце пророс гранат’ [27], вост. *âsəmôn-kat, ame sar bakat* ‘падающая звезда нам на голову упала’ [30], гал. *mi mage saidə bakuštam!* ‘разве я сейида убил?’ [60]).

Из сложных глагольных форм в сборнике пословиц встречаются только формы настоящего определенного и преждепрошедшего времени. В формах настоящего определенного времени смысловой глагол стоит в инфинитиве, а категории лица и числа отражаются в глаголе с основой *dər* ‘находиться’ (вост. *inə gardanə lu fosasə darə* ‘на нем ожерелье рвется’ [50], зап. *aməra gâvə-manestan duštān dārə* ‘он нас как коров доит’ [16]). В формах преждепрошедшего времени смысловая часть выражается причастием прошедшего времени, а категории лица и числа представлены парадигмой спряжения глагола *buon* ‘быть’ в прошедшем нейтральном времени (зап. *agə hob bubostə bu, fərdā anə sayuom bu* ‘если бы он был хорошим [человеком], завтра был бы его третий [обряд]’ [11]).

Фактически система личных глагольных окончаний, описанная В. С. Расторгуевой относится только к рештскому, т.е. западному диалекту гилянского языка, что находит свое подтверждение в лингвистическом материале пословиц, где видно, что наибольшее сходство с системой глагольных флексий по В. С. Расторгуевой обнаруживается именно в глаголах из пословиц, помеченных М. П.-Лангаруди как западные. Например, совпадают окончания 1-го лица ед.ч. как первого (*nəhəm* ‘кладу, ставлю’ [33]), так и второго (*dəkəftəm* ‘[я] упал/упала’ [38]) типа, а также окончания 2-го лица ед.ч. второго типа (*bəzai* ‘[ты] родила’ [36]). Однако и в западном диалекте встречаются фонетические варианты личных глагольных окончаний. Так, окончание 3-го лица ед.ч. первого типа наравне с наиболее часто встречающейся формой *-e* (*dəhe* ‘даёт’ [2]), которая соответствует данным В. С. Расторгуевой, представлено также фонетическими вариантами *-ə* (*kune* ‘сделает’ [25]) и *-ē* (*šē* ‘уходит’ [24]). Подобным образом обстоит дело и с окончаниями 3-го лица ед.ч. второго типа: наряду с формой *-ə* (*bubostə* ‘стал’ [1]), отмеченной В. С. Расторгуевой встречается также нулевое окончание (*bukud* ‘сделал’ [17]).

Больше фонетических расхождений с формами, представленными у В. С. Расторгуевой, мы встречаем в восточном диалекте и галеши, однако необходимо отметить, что при этом сами формы личных окончаний в этих двух диалектах схожи между собой. Так, полностью совпадают окончания 1-го лица ед.ч. первого типа *-am* (вост. *konam* ‘делаю/сделаю’ [48], гал. *dāram* ‘имею’ [88]) и 2-го лица ед.ч. второго типа *-i* (гал. *baburdi* ‘[ты] принес’ [46], вост. *bičēbi* [ты] ‘родила’ [36]). Фонетический вариант окончания *-u* в галеши (*banay* ‘[ты] положила’ [61], вост. *hadāy* ‘[ты] дала’ [34]) , вероятно, является результатом стяжения окончания *-i* после гласного (краткого и долгого) на исходе основы прошедшего времени (глагол *naan* ‘класть’, ОПВ *na-*; глагол *daan* ‘давать’, ОПВ *da-*). Сходны также формы окончаний 2-го и 3-го лица ед.ч. первого типа – соответственно *-i* (гал. *giri* ‘[ты] берешь’ [29], вост. *buni* ‘станешь’ [10]) и *-ə* (гал. *kunə* ‘делает’ [7], вост. *hadēnə* ‘даст’ [55]) – и 1-го

лица ед.ч. второго типа *-am* (вост. *kōnam* ‘делаю’ [59], гал./вост. *bakuštam* ‘[я] убил’ [60]). Однако в этих примерах есть исключения: в диалекте галеши в 1-ом лице ед.ч. среди окончаний II типа встречается форма *-ām* (*bumām* ‘[я] пришёл’ [2]), а в галеши в 3-ем лице ед.ч. среди окончаний I типа есть нулевое окончание (*šun* ‘идёт’ [7]). Несколько выбиваются из общей картины окончания 3-го лица ед.ч. второго типа: в галеши они представлены формами *-ē* (*nuštuwasē* ‘не слышал’ [40]) и *-ə* (чаще в формах аориста *basāvə* ‘износится’ [32]), а в восточном диалекте, как и в западном, формой *-ə* (*bačarasə* ‘сжевала’ [78]) и нулевым окончанием (*bakat* ‘упала’ [31]).

Что касается окончаний множественного числа, то здесь мы находим несколько иные соответствия. Окончания первого типа в 1-ом лице одинаковы во всех трех диалектах и совпадают с формой, определенной В. С. Расторгуевой *-im* (гал. *kunim* ‘делаем’ [22], вост. *tonim* ‘можем’ [21], зап. *xurim* ‘едим’ [12]). Окончания 3-го лица как первого, так и второго типа, отличаются от форм, показанных В.С. Расторгуевой, и, очевидно, были полностью заимствованы из персидского языка: *-an* в восточном диалекте (*ginan* ‘берут’ [85]) и галеши (*kunan* ‘делают’ [79]) – первый тип, *-ān* в галеши (*fugudān* ‘посыпали’ [52]) – второй тип.

Примеры употребления личных окончаний третьего типа, которые, как упоминалось выше, служат для образования форм прошедшего длительного времени изъявительного наклонения, в исследованных фразеологических единицах отсутствуют.

Таким образом, система личных глагольных окончаний, представленных в гилянских пословицах и поговорках, имеет следующий вид (В. – восточный диалект, З. – западный, Г. – галеши):

Табл. 5

Диа- лект	Тип	ед.ч.			мн.ч.		
		1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Г.	I	<i>-am</i>	<i>-i/-y</i>	<i>-ə</i>	<i>-im</i>	-	-
	II	<i>-ām/-am</i>	<i>-i/-ay</i>	<i>-e/-ē</i>	<i>-im</i>	-	<i>-ān</i>
В.	I	<i>-am</i>	<i>-i</i>	<i>-ə/-ē</i>	<i>-im</i>	-	<i>-an</i>
	II	<i>-am</i>	<i>-i/-ay</i>	<i>-ə/-ø</i>	<i>-ym/-im</i>	-	-
З.	I	<i>-am</i>	-	<i>-e/-ə/-ē</i>	<i>-im</i>	-	<i>-an</i>
	II	<i>-am</i>	<i>-i</i>	<i>-ə/-ø</i>	-	-	-

Таким образом, в свете данных, полученных на основе анализа фразеологических единиц из сборника М. П.-Лангаруди, разделение личных окончаний на типы, во всяком случае, на синхронном уровне, представляется достаточно сомнительным. На примере пословиц видно, что различия между типами личных окончаний, которые, согласно В. С. Расторгуевой проявляются только в 1-м и 3-м лице ед.ч., вовсе нивелируются в разговорном произношении, где окончания 3л. ед.ч. *-e*, *-ə* и *-i* представляются скорее инвариантным чередованием в рамках одного и того же форманта, чем окончаниями разных типов.

Заключение

Изучение гилянского языка в отечественном языкознании ведется уже многие годы. За это время были опубликованы труды таких ученых как В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман и В. И. Завьялова, посвященные описанию и анализу грамматики, фонетики и лексики гилянского языка. Однако можно сказать, что гилянский язык по-прежнему остается в числе языков, открытых для изучения. Так, большая часть существующих на данный момент исследований посвящена описанию диалекта города Решта, тогда как работы М. П.-Лангаруди и других ученых показали, что гилянский язык включает как минимум три крупных диалекта.

Категория лица в ее грамматическом и семантическом проявлениях представляет собой важный аспект описания глагольной системы языка, т.к. включает разноуровневые языковые явления, охватывающие значительную часть грамматики языка.

В данной работе на основе ранее опубликованных фундаментальных исследований гилянского языка с привлечением трудов по общему языкознанию и функциональной грамматике показана система категории лица в гилянском языке. В качестве языкового материала в работе использовались ранее не привлекавшиеся в трудах отечественных и западных исследователей гилянского языка пословицы и поговорки, помещенные в сборнике Махмуда Пайанде-Лангаруди [PL].

В ходе написания данной работы было установлено, что фольклорные тексты – пословицы и поговорки, – представляя собой образцы живого разговорного языка, являются ценным источником языкового материала, который позволяет дополнить имеющиеся данные по фонетике и грамматике иранских прикаспийских языков в целом и диалектов гиляки в частности. Так, благодаря данному источнику представляется возможным уточнить современный состав категории лица в гилянском языке.

На основе описания грамматической категории лица и функционально-семантического поля персональности в гилянском языке, а также сравнения функционирования этих систем в трех диалектах гилянского языка – восточном, западном и галеши – можно сделать следующие выводы:

1. Состав и функционирование категории лица в гилянском языке, в целом, соответствует определению, сформулированному такими исследователями как Р. О. Якобсон, Н. Б. Вахтин, Э. Бенвенист и А. В. Бондарко.
2. Категория лица в современном гилянском языке представляет собой закономерный этап в развитии категории лица в иранских языках.
3. Функционирование категории лица в системе личных местоимений гилянского языка, в целом, аналогично функционированию категории лица в персидском языке.
4. Анализ функционирования категории лица в системе глаголов гилянского языка с привлечением примеров из сборника пословиц П.-Лангаруди позволил поставить под сомнение разделение личных глагольных окончаний на типы, предложенное В. С. Расторгуевой, а также выявил ряд заимствований из персидского языка.

Сравнительный анализ данных, содержащихся в сборнике П.-Лангаруди, также показал, что различия в реализации категории лица в трех диалектах гилянского языка сводятся только к фонетическим различиям, что подтверждает их статус именно как диалектов, а не самостоятельных идиомов, с одной стороны, и открывает перспективу изучения конкретных изоглосс, среди которых, возможно, обнаружатся пересечения с аналогичными явлениями в соседних северо-западных иранских языках, распространенных в иранских провинциях Гилян, Мазандаран и Зенджан и образующих с гилянским общий языковой континуум.

Приложение

Выборочный список гилянских пословиц и поговорок³

1. *âb bubostə bə zəmin bušo* ‘стало водой и ушло в землю’ [PL: 9], зап., «дела давно минувших дней...».
2. *adətə dila jələ dəhe* ‘сердце человека полирует’ [PL: 19], зап., о вкусной еде.
3. *âftow gūn: tu dar niya, tu dar bumām* ‘солнцу говорит: не выходи, [ведь] я [уже] вышел’ [PL: 21], гал., так говорят о ком-то очень красивом.
4. *agar ti sarə talā babun, ti kunə salf-ə* ‘если голова у тебя и золотая, то зад – свинцовый’ [PL: 33], гал., говорят о плохом, нечестном человеке, который пытается казаться хорошим.
5. *agə ato-m digarōnə muson bubobi ame baråsson talā bōnabu* ‘если бы мы были как другие, у нас косяки дверей были бы покрыты золотом’ [PL: 33], вост., «Мы хорошие люди, не мошенники».
6. *agə harsəg-i-re čub rāssa kuni čub-ə dunyā kəm aye* ‘если на каждую собаку будешь замахиваться палкой, палок в мире не хватит’ [PL: 35], т.е. «не стоит так горячиться».
7. *agə inə bagi âb sar-jor šun bāvar kunə* ‘если скажешь ему, что вода вверх течет, он поверит’ [PL: 33], гал., о легковерном, простосердечном человеке.
8. *agə inə dil baxāy, kalə buzə dušə* ‘если он захочет, он козла подоит’ [PL: 34], гал., «Если захочет, он может свою работу хорошо сделать».
9. *agə ō-rə takkə babun, tu u taraf nəmāz nixondam* ‘[даже] если бы там была Мекка, я бы в том направлении не молился’ [PL: 33], вост., так говорят о доме врага.

³В приложении представлены пословицы и поговорки, использованные в качестве примеров в данной работе. К каждой поговорке, приведенной в транскрипции, дается русский дословный перевод и пояснение, уточняющее ее смысл, там, где это необходимо, или русский эквивалент выражения, а также указание на то, из какого диалекта взята данная пословица. Иллюстративный материал отбирался по принципу наибольшего соответствия предмету исследования.

10. *agə ta varjīnan mustāraba čar ta sār-sakat buni* ‘если тебя [как дрова] порубить, получится четыре подпорки для отхожего места’ [PL: 34], вост., о здоровом и сильном человеке, который отлынивает от работы.
11. *agə xob bubostə bu, fərdā anə sayyom bu* ‘если бы он был хорошим [человеком], завтра был бы его третий [обряд]⁴’ [PL: 34], зап., «Хорошие люди рано умирают, а его хорошим назвать нельзя».
12. *ama fəkal-āb xurim* ‘мы обмылки пьем’ [PL: 43], зап., «Нам ничего больше не осталось, мы ничего не можем больше сделать» - крайняя степень бедности.
13. *ame āftab magə kaləsiyā dar-āy?* ‘разве наше солнце на севере⁵ восходит?’ [PL: 41], гал., «Разве мы чужие, откуда такая нелюбезность?».
14. *ame čašmon ti var su konə* ‘нашим глазам от тебя свет идет’ [PL: 42], вост., «Мы на тебя надеемся и рассчитываем».
15. *aməra fakəlaštə* ‘[он] нас обглодал [как кость]’ [PL: 37], зап., т.е. «Он нас ограбил».
16. *aməra gāvə-manestan duštan dərə* ‘он нас как коров доит’ [PL: 38], зап., т.е. «он нас эксплуатирует».
17. *aməra qabla-səng bukud* ‘[он] нас [как] камень из пращи выкинул’ [PL: 38], зап., «Он от нас избавился».
18. *amərə qala-sang čowdi de* ‘[ты] нас [как] камень из пращи выкинул’ [PL: 38], гал., «Ты от нас избавился, выпроводил».
19. *ami āftow baništāym* ‘мы [с тобой под одним] солнцем сидим’ [PL: 38], вост., т.е. «Мы с тобой хорошие друзья».

⁴«Третий обряд» – похороны.

⁵*kaləsiyā* – букв. ‘сторона, противоположная направлению на киблу’, П.-Лангаруди переводит это слово как ‘север’.

20. *amu babištə gandam-im gə, hargi sabza nabim?* ‘Разве мы [как] сгоревшая пшеница, что нам никогда не зацвести?’ [PL: 39], гал., ответ на обвинение в нерасторопности и вялости.
21. *amu ti čaāq-sitkå dē tonim, tu ame gal-fandakə dēnə manney?* ‘мы твою керосиновую лампу видим, а ты нашу масляную лампу не видишь?’ [PL: 39], вост., говорят мелочному человеку.
22. *amu tiyānə mōnim, arusi-rə palā pučim, azā-rə āw garmā kunim* ‘мы как котел: на свадьбу плов готовим, на похороны воду греем’ [PL: 39], гал., «При любых обстоятельствах нам хорошо не бывает».
23. *andey šime pā-bun-ə niyā bakunin* ‘Взгляните себе под ноги’ [PL: 46], вост., очень вежливое приглашение зайти в гости.
24. *anə dətāqə tuka bəgiri anə nəfəs šē* ‘возьмёшь его за кончик носа – из него душа вон’ [PL: 58], зап., о худосочном человеке.
25. *anə dəs-u pāya dəbadi, xu kāra kune* ‘[хоть] руки и ноги ему свяжи, он будет свою работу делать’ [PL: 48], зап., о трудолюбивом и расторопном человеке.
26. *anə pā səngin-ə* ‘у него нога тяжелая’ [PL: 47], зап., о тяжелом на подъем человеке, который редко навещает друзей.
27. *ani dilə anār-šāvār⁶ baze* ‘в его сердце пророс гранат’ [PL: 60], зап., т.е. «он очень обрадовался».
28. *āquz dāri āquzbāzi⁷ bakun* ‘[если] у тебя есть орех, играй с орехом’ [PL: 21], гал., т.е. «довольствуйся тем, что есть».
29. *arba dušowə moni, ham asalə miyōn jā giri ham širə miyōn* ‘ты как патока из фиников: и в мёде есть, и в сиропе’ [PL: 27], гал., «Каждой бочке затычка».

⁶Сорт граната [ГРС: 19].

⁷āquzbāzi – детская игра с орехом.

30. *āsaman gər bəgərdəstə, ame sər fugurdəstə* ‘небо вращалось, на нашу голову упало’ [PL: 19], зап., жалоба на неудачливость.
31. *āsəmōn-kat, ame sar bakat* ‘падающая звезда нам на голову упала’ [PL: 20], вост., жалоба на неудачливость.
32. *āsīyə sang basāvə baytar-ə tå bikår beyasə* ‘[если] жернов изнашивается, это лучше, [чем если] он будет стоять без работы’ [PL: 20], гал., неодобрение безделья.
33. *ātəš nəhəm mi dəsə rušta* ‘на свою руку клеймо поставлю’ [PL: 11], зап., «Зарекаюсь еще раз так делать»
34. *ay falak, hama baputə hadāy, amərə kalāk* ‘эх, судьба, всем спелые [фрукты] дала, а нам зеленые’ [PL: 56], вост., жалоба на превратности судьбы.
35. *ay kale, marə jang darə* ‘эй приятель, у меня [уже] война [в голове]’ [PL: 56], гал., так говорят, чтобы урезонить спорщика.
36. *āy mār! čərə mərəbəzai?* вост. / *āy mār! čarə ma bičēbi?* зап. ‘Эх, мать! Зачем ты меня родила?’ [PL: 25], выражение крайнего горя, жалоба на судьбу.
37. *az hājāji kərayəxānə fāgire* ‘с ласточки арендную плату берет’ [PL: 30], зап., «Он только о деньгах думает».
38. *az nəf dəkəftəm* ‘[я] надорвался’ [PL: 28], зап., т.е. очень устал.
39. *az ušōnə nowdumbālə har du ləba pā nēnē* ‘от них лодки в обе стороны отплывают’ [PL: 29], вост., о людях, которые стараются угодить всем.
40. *aza talē gurra nuštowasē* ‘как будто крика петуха не слышал’ [PL: 28], гал., «как с луны свалился».
41. *bijir-bijir nuxusə, bujor-bujor-am unə jå niyə* ‘наверху он не спит, и внизу ему места нет’ [PL: 79], зап., никто не знает, откуда он, без роду-племени.

42. *bušoim arus bubostim šab ami-re kutā bubo* ‘ [когда] добрался до невесты, ночь для меня [уже] закончилась’ [PL: 77], зап., говорят о невезучем человеке.
43. *dard-ə bidarmān ti gule bagirə* ‘пусть твое горло возьмет неизлечимая болезнь’ [PL: 148], зап. – проклятие.
44. *daryā bašum āw vāxišə* ‘[если] я пойду к морю, вода [в нем] высохнет’ [PL: 148], гал., т.е. «я очень невезучий».
45. *hamčīn kalāj malije-zākə dārə sarə-ji vigirə* ‘словно ворона воробушка с дерева хватает’ [PL: 263], вост., так говорят о ком-то, кто в мгновение ока решил сложную проблему.
46. *i buzə tu bom baburdi isə jir biyār* ‘ты эту козу на крышу принес, теперь носи вниз’ [PL: 54], гал., «Ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай».
47. *i mardumə piš-ašōn našānə* ‘эти люди – к ним не подступиться’ [PL: 57], вост., с ними нельзя договориться, их нельзя урезонить.
48. *i xar nubə xar-ə digə / pālon konam rang-ə digə* ‘[если] не этого осла, так другого оседлаю по-другому’ [PL: 55], вост., «Не мытьем, так катаньем».
49. *inə dil guš ā dē šānə* ‘его сердце можно увидеть’ [PL: 60], вост., так говорят о том, кто постоянно жалуется и ноет.
50. *inə gardanə lu fosasə darə* ‘на нем ожерелье рвется’ [PL: 63], вост., говорят об очень худом, костлявом человеке.
51. *inə mače-sar kur magaz vāz kunə* ‘у него над губами слепая муха пролетит’ [PL: 63], гал., о молчаливом, неразговорчивом человеке.
52. *išōne sar badāri garmə tuturi fugudān* ‘над их головой будто теплым пеплом посыпали’ [PL: 55], гал., «На них валятся несчастья одно за другим».

53. *išōnə sar māšə sarə mondanə* ‘у них голова как у рыбы⁸’ [PL: 55], вост., «У них совсем мозгов нет».
54. *kulə čāyu nətāne ke dāzə kāra bukunə* ‘тупой нож не может делать работу серпа’ [PL: 210], зап., т.е. «каждый должен заниматься своим делом».
55. *magə ādam binamāzə qarz hadēnə? un gə qarzə xudā adā nukonə* ‘разве человек даст в долг тому, кто не читает намаз? Он ведь [даже] Богу долг не возвращает’ [PL: 233], вост., «Не водись с тем, кто не исполняет намаз».
56. *mən čī gəm, tu čī ištavi!* ‘что я говорю, а что ты слышишь!’ [PL: 234], зап., «Ты меня не слушаешь».
57. *mi gab agə dard kunə, budon tarə mard kunə* «Мои слова хоть и ранят, но они тебя мудрее делают» [PL: 244], гал.
58. *mi kal piča kute kār-ə* ‘это работа для моего котенка’ [PL: 244], вост., говорят об очень легком деле.
59. *tu gadāi kōnam tu saqāi* ‘я подаяния прошу, а ты воду развозишь’ [PL: 237], вост., «Я и сам беден, а ты у меня денег просишь».
60. *mi mage saidə bakuštam!* ‘разве я сейида убил?’ [PL: 239], гал./вост., «Почему вы так плохо ко мне относитесь?».
61. *oxxay ruzəgār! hama gulə banay amarə ta’ār* ‘ох, судьба! [ты] все кувшины в нашу лохань сложила’ [PL: 49], гал., жалоба на трудности.
62. *pile dəryā ti-re tā zānu-ə* ‘глубокое море для тебя – по колено’ [PL: 90], зап., о жадном, скупом, прожорливом человеке.
63. *piyāz-a digər-i buxurdə, rise mi gardən* ‘другой лук съел, а цепь на мою шею [повесили]’ [PL: 87], зап., «Мне приходится отвечать за чужие грехи».

⁸Буквально *māš* – жерех – рыба семейства карповых, водится в Каспийском море.

64. *šayala ge budob, səga ge bigir* ‘шакалу говорит: «Беги!», а собаке говорит: «Хватай!»’ [PL:178], зап., так говорят о хитреце, который умеет ссорить людей.
65. *ta futowsə* ‘[эта одежда] тебя осветила’ [PL: 103], вост./гал., «Тебе это идёт»
66. *ta ti gurə miyēn nēnan* ‘тебя в твою могилу положат [PL: 103], вост., груб. «Не лезь не в свое дело».
67. *tarə ki bagut hasan gāw sira ge?* ‘кто тебе сказал, что Хасан корову зарезал?’ [PL: 95], гал., так говорят нежданному и нежеланному гостю.
68. *tarə zur darə, amṁā valāyat-an hākem darə* ‘у тебя есть сила, но в провинции есть [свой] мудрец’ [PL: 95], гал., «Даже если я тебя не переспорю, закон есть закон, с ним не поспоришь».
69. *təra pəšə ləqəd bəzə* ‘тебя комар [может] побить’ [PL: 94], зап., говорят об изнеженном, хрупком, слабом человеке.
70. *ti āqā-i ti nowkar* ‘[ты и] твой господин, и твой слуга’ [PL: 103], зап./вост., «Ты сам себе хозяин, ни от кого не зависишь».
71. *ti aqlān te bə xub-ə* ‘твои мозги для тебя хороши’ [PL: 112], вост., намек на то, что говорящий невысокого мнения об умственном развитии собеседника.
72. *ti dilə ruqon-gulə danakun* ‘не опускай свое сердце в кувшин с маслом’ [PL: 108], вост., «Не будь таким щедрым и открытым».
73. *tu āqā, mi āqā, asbə-rə va ki jow bazanə* ‘ты господин и я господин, а кто лошади ячменя должен насыпать?’ [PL: 97], гал., так говорят ленивому человеку.
74. *tu xān amərə aqad bakuni* ‘ты не мне жениться хочешь [что ли]?’ [PL: 99], вост., «Отстань, хватит вопросы задавать».

75. *tu-ham ame-bə ădama bōy?* ‘ты у нас разве [уже] вырос?’ [PL: 102], вост., так говорят слишком любопытному ребенку.
76. *tu-n-am ti-re pira bi* ‘ты сам [когда-нибудь] состаришься’ [PL: 101], зап., «Старость – не радость».
77. *turšə xălu dărə-jor nəmāne* ‘[даже] кислая алыча не останется на дереве [навсегда]’ [PL:99], зап., т.е. «всякая девушка выйдет замуж».
78. *u qavāla gow bačarasə* вост. / *u qavāla gāb bəčərəstə* зап. ‘тот договор корова сжевала’ [PL: 50], «Это дело прошлое».
79. *ulaq-a ulaqə bār kunan, qătər-an qătəri de* ‘Осла нагружают по-ослиному, а поезд – как поезд’ [PL: 50], гал., «От каждого по возможностям».
80. *un nakāštə šarə čine* ‘Он жнет, не посеяв’ [PL: 52], гал., так говорят о торопливом человеке.
81. *un yə goyi buxordə, tu čarə bə riš eyti* ‘Он ерунду говорит, а ты нас свой счет принимаешь’ [PL: 53], вост., так говорят кому-то, кто разжигает ненужный спор.
82. *una yābu usādə* ‘его кляча увезла’ [PL: 53], зап., так говорят о рассеянном, витающем в облаках человеке.
83. *un-am xu jōn čik zēnə* ‘он сам себя чешет’ [PL: 51], вост., «Он сам ради себя старается», о корыстном человеке.
84. *unə asb bašāšə ta āw benə* ‘его лошадь мочится - тебе воду приносит’ [PL: 52], вост., об очень богатом человеке.
85. *unə čusə pumbe-ji ginan* ‘его ветры ватой собирают’ [PL: 52], вост., об изнеженном человеке, любимчике семьи.
86. *unə pā čāla pā banāy de* ‘ты поставил [свою] ногу на место его ноги’ [PL: 52], гал., «ты изучил все особенности противника».
87. *unə sar dărə tuk naha* ‘его голова выше деревьев’ [PL: 53], гал., о надменном, горделивом человеке.

88. *unə xākə ārazō dāram* ‘хочу земли [с его могилы]’ [PL: 52], гал. Эту фразу добавляют при упоминании имени одного из имамов.
89. *xudā išonə vigirə* ‘да уничтожит их Господь’ [PL: 136], вост. – проклятие.
90. *xudaš ə bə ša'al-miribaza* ‘он прикидывается мертвым шакалом’ [PL: 139], вост., «Льет крокодильи слезы».

Библиография

1. Бенвенист 1974: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. Гмелин 1775: Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской АН, 1775.
3. ГРС: Гилянско-русский словарь / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1980. 465 с.
4. Завьялова 1955: Завьялова О. И. Фонетика гилянского и мазендаранского языков. Автореф. канд. дисс. Л.: ЛГУ, 1955. 17 с.
5. Завьялова 1956: Завьялова О. И. Новые сведения по фонетике иранских языков. Гилянский и мазендаранский языки // Труды Института Языкознания. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 92–112.
6. Короглы 1973: Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. 615 с.
7. Мельгунов 1863: Мельгунов Г. В. О южном берегу Каспийского моря. СПб.: Тип. Императорской АН, 1863. 421 с.
8. ОИТИИЯ 1975: Опыт историко-типологического исследования иранских языков. II том. Эволюция грамматических категорий / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1975. 476 с.
9. ОИЯ 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1982. 571 с.
10. Расторгуева 1971: Расторгуева В. С., Керимова А. А. и др. Гилянский язык / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1971. 319 с.
11. Рубинчик 1985: Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь : в 2 т. / Ю.А. Рубинчик – М : Русский язык, 1985. 800+864 с.
12. Рубинчик 2001: Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
13. Современный Иран 1957: Современный Иран: справочник / Под ред. Б. Н. Заходера. М.: Издательство АН СССР, 1957. 720 с.
14. ТФГ 1991: Бондарко А. В., Булыгина Т. В., Вахтин Н. Б. Теория

- функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб: Наука, 1991. 371с.
15. Щур 1974: Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.
16. Языки мира 1999: Языки мира. Иранские языки II. Северо-западные иранские языки / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Индрик, 1999. 302 с.
17. Якобсон 1972: Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / М.: Наука, 1972. с. 95–113.
18. Apor 1973: Apor Eva. Gilanica: Langerudi // Actaorientalia. T. 27, fasc. 3, 1973. P. 351–372.
19. Beresine 1853: Beresine I. N. Recherches sur les dialectes persans. Casan: Impr. de l'Univ., 1853. 149 с.
20. Chodzko 1842: Chodzko A. L. Specimens of the popular poetry of Persia. London: The oriental translation fund of Great Britain and Ireland, 1842. 592 p.
21. Christensen 1930: Christensen A. E. Contributions a la dialectologie iranienne. København, 1930. 300 p.
22. Gilan 1989-95: E. Eşlāḥ 'Arabāni, ed., Ketāb-e Gilān, 3 vols., Tehran, 1989-95, II.
23. Grundriss 1898-1901: Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Ab. 2. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1898–1901. 535 s.
24. Melgounof 1868: Melgounof G. V. Essai sur les dialects du Masenderan et du Guilan la prononciation locale // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Geselaschaft. Vol. XXII. c. 344–380.
25. PL: Mahmud Pāyande Langarudī. Farhang-e masalhā va estelāhāt-e Gil va Deylam. Tehrān.: Enteshārāt-e Soruś, 1995. – 275 p.
26. Rahmani 1985: Rahmani Monireh. Ethnography of Language Change: An Ethnolinguistic Survey of the Gilaki Language. PhD Dissertation. University of Oklahoma, 1985. 275 с.
27. Sotude 1954: Manučehr Sotude. Farhang-e gilaki. Gardāvarande-ye Manučehr Sotude. Tehrān.: Anjoman-e irānšenāsi, 1954. 272 p.
28. Stilo 2001: Stilo D. GilānX. Languages // Encyclopaedia Iranica. Vol. X, Fasc. 6, pp. 660-668 // Encyclopaedia Iranica. Online edition. 2012. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gilan-x> (дата обращения: 17.04.2016).

